

Цинь Цзычу застыл у порога, колеблясь. В конце концов он прижал к себе побледневшую от испуга Люйцяо и тихо, успокаивающе произнес:

— Не бойся. Госпожа просто погорячилась, — он мягко погладил девушку по плечу. — На самом деле она добрая и великодушная женщина.

Слезы задрожали на ресницах служанки. Выглядела она на редкость жалко и беззащитно.

— Господин, это я во всем виновата, я прогневала госпожу... Ваша служанка заслуживает смерти.

— Не забивай себе голову глупостями. Будь умницей, отдохни здесь и подожди моего возвращения. Я должен пойти в спальню к госпоже. Она сейчас в положении, ей нужен покой, а ведь вам с другими служанками еще ухаживать за ней.

Цзычу мягко улыбнулся и заботливо смахнул слезинки с ее щек, будто и не подозревая, сколько тонкого яда кроется в его словах. Развернувшись, он поспешил вслед за ушедшей женой.

Экзаменационный вопрос на сессии:

«Кто важнее: беременная жена или служанка, с которой только что заигрывал?»

Ответ: «Обе одинаково важны».

Любой нормальный человек, услышав такое, наверняка захотел бы придушить отвечающего. Однако для Цинь Цзычу подобный выбор оставался единственно верным.

И совершенно неважно, от кого Чжао Цзи понесла дитя. С точки зрения истории этот ребенок — будущий великий император Цинь Шихуанди!

Кому в современном мире доводилось видеть живого Цинь Шихуанди? А Цзычу сможет понынчить его уже через восемь месяцев.

К тому же, если этот младенец благополучно родится и в будущем объединит Поднебесную, то возникнет первая в истории Китая империя. А вместе с ней — и знаменитая система трёх департаментов и шести министерств, которая прослужит государству вплоть до крушения монархического строя.

Пусть даже его наградят ветвистыми рогами и самой зеленой шляпой на свете — Цзычу готов был стерпеть. Он просто не мог упустить этого ребенка. В конце концов, стать отцом императора и носить титул Сверхимператора — весьма заманчивая перспектива.

«Идол всей Поднебесной, кумир поколений... Да я с радостью побуду твоим папашей!»

Что же касается Люйцяо... Раз уж даже Люй Бувэй, с которым они теперь шли в одной упряжке, назвал ее единственным надежным человеком в усадьбе, то ее роль явно не сводилась к банальной передаче писем.

Эта девица наверняка отличалась редкой хваткой и умом. Не исключено, что она владела какими-то секретами великого торговца, раз сумела выделиться среди многочисленной челяди и стражи, подкупленной им.

Ради собственного выживания обольстить юную, едва познавшую первую влюбленность девушку, которая и так вовсю строила ему глазки? Разве это непосильная задача?

Цзычу мог с чистой совестью заявить: планка его моральных принципов лежала так низко, что расточать фальшивые улыбки, пускать в ход мужское обаяние и притворяться нежным ласковым зверем для него не составляло ни малейшего труда.

Память и чувство направления никогда его не подводили. Достаточно было пройти один раз, чтобы он безошибочно запомнил дорогу от сада до книжного покоя.

Каким бы неженкой ни был мужчина, физически он все равно превосходит женщину. Чжао Цзи находилась на втором месяце беременности. Хотя она и злилась, но прекрасно понимала, что здоровье ребенка куда важнее мимолетных капризов. Она ушла, но шла не торопясь, так что Цзычу настиг ее посреди двора в несколько широких шагов.

Подхватив ее сзади на руки, он бережно прижал ее к себе. Чжао Цзи обиженно надулась — на ее лице застыла причудливая смесь грусти, досады и злости. Цзычу сокрушенно вздохнул.

Он коснулся губами ее теплого лба и прошептал:

— Глупенькая моя, не забивай себе голову чепухой.

Беременность делала Чжао Цзи капризной и ранимой. Она демонстративно отвернулась, всем видом показывая, что не желает даже слушать супруга. Цзычу и не думал сердиться. Вместо этого он терпеливо и ласково заговорил:

— Моя дорогая, будь все так, как ты себе вообразила, разве обратил бы я внимание на Люйцяо только сейчас? Есть вещи, которых ты не понимаешь, да и я не смею раскрывать их тебе. Тебе нужно знать лишь одно: мы с тобой делим одну судьбу и одну постель. У меня и в мыслях не было заглядываться на эту девчонку. Она же совсем дитя.

— Дитя?! Ей уже пятнадцать, время заколывать шпильку! Какое же она дитя?! А ты только и горазд мне зубы заговаривать! — Чжао Цзи попыталась оттолкнуть его и сердито забилась в его руках. Напуганные этой сценой служанки поспешили беззвучно выскользнуть из покоев на улицу.

Переступив порог спальни, Цзычу бережно опустил жену на мягкие циновки. Склонившись к ее уху, словно собираясь запечатлеть поцелуй на нежной щеке, он едва слышно прошептал:

— Великий наставник Люй предупредил: правитель Царства Цинь вот-вот двинет войска против Царства Чжао. Люйцяо — его верный человек. Ей можно доверять.

На мгновение на лице Чжао Цзи отразилось изумление, но его тут же сменила вспышка чистой ярости.

«Ах ты паршивец, Люй Бувэй! — мысленно взывала она. — Когда-то стелился передо мной шелком, а ради чинов и богатства без колебаний отдал Ин Ижэню! Только-только я приручила этого пылкого юношу, как ты подсовываешь ему под бок новую смазливую вертихвостку!»

Умом Чжао Цзи никогда не блистала, да и притворяться не умела. Обида на Люй Бувэя тут же отразилась на ее лице, а гнев, направленный на мужа, заметно утих.

Она ласково прильнула к его груди и капризно прошептала:

— Больше не пугайте меня так, господин. Когда я увидела, как вы обнимаете эту девчонку, мое сердце едва не разорвалось от горя.

Цзычу легонько шлепнул ее по ладони, с улыбкой поцеловал в щеку и тепло прижал руку к ее пока еще плоскому животу.

— Если бы меня волновали глупые сплетни, разве взял бы я тебя в жены? В следующий раз, прежде чем дуться, подумай о нашем сыне. Я обязательно верну нас в Царство Цинь, где мы будем купаться в роскоши. У тебя будут лучшие яства, изысканные украшения и тончайшие шелка. А наш сын станет наследником престола и со временем унаследует эту великую империю.

Женщины любят ушами, и Чжао Цзи не была исключением. Глядя в бездонные, полные нежности глаза этого утонченно-красивого юноши, она окончательно растаяла от нарисованной им картины блестящего будущего.

— Вы правы, господин, — проворковала она, обвивая его шею руками. — Это я проявила глупость и безрассудство. Обещаю, такого больше не повторится.

Цзычу наклонился и запечатлел легкий поцелуй на ее животе, шутливо добавив:

— Можешь капризничать сколько угодно, мне это даже нравится.

Истинный талант мужчины заключается в умении лгать столь вдохновенно, что мертвецы пускаются в пляс. Если судить по этой мерке, то Цинь Цзычу, безусловно, был непревзойденным мастером.

Последняя фраза окончательно обезоружила Чжао Цзи. Вскоре она уже вовсю ластилась к

нему, тонкими пальцами забираясь под воротник его халата и недвусмысленно намекая на продолжение.

Цзычу едва заметно замер, ощутив глухой укол неприятия. Какие бы сладкие речи он ни расточал, плотского вожделения к беременной Чжао Цзи он не испытывал вовсе.

Ну скажите на милость, у кого возникнет желание, когда перед тобой лоно, в котором зреет сам Цинь Шихуанди?!

От одной этой мысли можно заработать пожизненное бессилие!

Он поспешно перехватил ее блуждающие пальцы и шутливо погрозил ей, легонько щелкнув по носу:

— Полно тебе. Женщине в твоём положении вредны плотские утехы. Это может повредить дитяти.

На лице Чжао Цзи отразилось полнейшее недоумение — судя по всему, о правилах ухода за собой во время беременности она не имела ни малейшего представления. Это дало Цзычу прекрасную возможность перевести тему и занять время безопасной болтовней.

Он усадил ее поудобнее, уложив ее голову к себе на колени, и с интонацией заправского профессора принялся ласково и уверенно вешать ей лапшу на уши:

— В первые месяцы плод невероятно хрупок, и любые резкие движения могут причинить ему вред. Именно поэтому у некоторых женщин без видимых причин открывается кровотечение и случается выкидыш. Но даже если беды не произошло сразу, ребенок может родиться болезненным, слабым и не дожить до зрелых лет.

Решив нагнать побольше жути для верности, он заглянул ей в глаза и доверительно спросил:

— Наверняка тебе и самой доводилось слышать о подобном?

Чжао Цзи побледнела и испуганно закивала:

— Вы правы, господин... В Ханьдане дом моего отца считался весьма уважаемым, и я с детства видела немало женщин, которые внезапно теряли дитя от кровавой немочи или хоронили младенцев спустя всего пару дней после родов. Так вот, оказывается, в чем крылась причина!..

Цзычу веско кивнул, закрепляя успех:

— Именно так. Иначе зачем бы я, едва узнав о твоей беременности, спешно переселился в другую комнату? Лишь для того, чтобы ненароком не потревожить дух нашего дитяти. Да, чуть не забыл! Прошлой ночью мне привиделось знамение: я видел во сне, как вокруг дома клубились благовещие облака. Наш первенец непременно будет мальчиком.

Видя, с каким неподдельным воодушевлением супруг рассуждает об их будущем сыне, Чжао Цзи окончательно отбросила ревнивые подозрения.

На ранних сроках усталость берет свое. Не прошло и четверти часа, как веки женщины отяжелели, и она погрузилась в сон. Цзычу, решив отыграть роль заботливого супруга до конца, бережно устроил ее на подушках, укрыл одеялом, заботливо подоткнул края и бесшумно выскользнул из спальни.

Снаружи он негромко, но строго напутствовал прислугу:

— Не спускайте с госпожи глаз и оберегайте ее покой. Сейчас в усадьбе нет ничего важнее ее здоровья и благополучия нашего наследника.

Служанки поспешно склонились в глубоком поклоне.

Вернувшись в книжный покой, временно заменявший ему спальню, Цзычу застал Люйцяо у окна. Девушка сидела съежившись, с видом глубочайшего смятения, что придавало ей сходство с побитой непогодой птичкой. Впрочем, Цзычу не сомневался: этот жалобный вид был такой же умелой фальшивкой, как и его собственные излияния.

Стоило ему переступить порог, как Люйцяо вскинулась и подбежала к нему. В ее умоляющем, красноречивом взоре без труда читался единственный вопрос: «Неужели госпожа прикажет выгнать меня прочь?»

Цзычу ласково заключил трепещущую девушку в объятия, успокаивающе поглаживая по спине.

— Не бойся, глупенькая. Госпожа в положении, ее одолевают страхи, оттого она и вспылила. Я уложил ее спать, она больше не сердится на тебя.

Договорив, он вдруг словно опомнился и осознал всю двусмысленность их положения. Цзычу поспешно отстранил девушку, сделал несколько шагов назад, увеличивая дистанцию, и, отвернувшись, сухо произнес:

— А теперь ступай.

Он замер, прислушиваясь, но шагов уходящей служанки так и не услышал. Вместо этого Люйцяо внезапно ухватила за полу его верхнего платья и сзади прижалась к нему, крепко обняв руками.

— Господин... Люйцяо... умоляю, позвольте мне всю жизнь служить вам, заботиться о вас... — Ее нежный голосок дрожал от рыданий, приглушенный плотной тканью его халата.

Цзычу стоял неподвижно, не делая попыток освободиться, но на его губах играла холодная усмешка.

«Какая поразительная игра! Настоящее мастерство лицедейства»

Ткань его одежд быстро пропиталась ее слезами.

«Ну и хватка! Просто диву даешься. Не зная сути, можно подумать, будто мы связаны клятвой из прошлых жизней, и теперь она выплакивает вековой долг. Но ведь с момента нашего знакомства не прошло и пары часов! Милая девица, тебе не кажется, что ты чересчур переигрываешь?»

Он тяжело, грудно вздохнул, и это движение передалось прильнувшей к нему девушке. Его голос зазвучал нежно, но с глубоким, едва сдерживаемым сокрушением:

— Люйцяо, ты заслуживаешь лучшей доли. Твоим мужем должен стать достойный человек, который окружит тебя лаской и заботой на всю жизнь. Но этот человек не я. Мое положение здесь, в Царстве Чжао, шатко, завтрашний день покрыт туманом, да и законная супруга у меня уже есть... Я просто не имею права связывать тебя такой участью.

— Мне все равно! Господин, клянусь, мне совершенно все равно! — видя, что он поворачивается к ней лицом, Люйцяо зарыдала еще отчаяннее. Крупные слезы покатались по ее щекам, являя взору классический образ беззащитной красавицы, подобной омытой весенним дождем грушевой ветви.

Эти слова задели его за живое.

«Терпеть не могу разлучниц. Меня самого в прошлой жизни безжалостно предали, так что при виде подобных сцен у меня возникает лишь одно желание — покарать тебя во имя Луны!»

<http://bllate.org/book/18277/1750270>